

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

С.С. Глаголев

**Протестантское богословие
на театральной сцене:
письмо из Берлина по поводу трагедии
«Иоанн Креститель» Зудермана**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1899. № 1. С. 166-173.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Протестантское богословіе на театральной сценѣ.

(Письмо изъ Берлина по поводу трагедіи Johannes von Suederman).

О ТРАГЕДИИ ЗУДЕРМАНА «Іоаннъ Креститель» много писали и говорили. Ее восхваляли и порицали. Надъ нею плакали и умилялись. Ее и ея исполненіе разбирали съ художественной и религіозной точекъ зрѣнія. Пытались подвергать ее и исторической критикѣ: указывали ея несоотвѣтствіе тексту Евангелія и оправдывали художника, говоря о свободѣ творчества—Шекспиру, Гете и Шиллеру. Преувеличенное вниманіе къ трагедіи, конечно, вызвано ея сюжетомъ, но, несомнѣнно, не однимъ сюжетомъ, а и его выполненіемъ. На представленіяхъ ея (101 представленіе 22 октября) театръ постоянно бываетъ полонъ, и въ нѣкоторые моменты можно было слышать и чувствовать, какъ волненіе овладѣвало зрителями—особенно юнымъ поколѣніемъ, и по сидѣвшей въ залѣ толпѣ проходило какъ бы нѣкое дуновеніе вѣтра.

Несомнѣнно, трагедія незаурядная. Да; но не восхвалять или порицать Зудермана хотимъ мы, и не нѣмецкое художественное творчество, и даже не особенности религіозныя остановили на себѣ наше вниманіе въ этой пьесѣ. Въ ней есть другая сторона, которой доселѣ касались только стороною и только едва касались и которая однако является очень важною. Трагедія написана и исполняется въ духѣ и силѣ современнаго протестантскаго богословія. Она написана и поставлена не Зудерманомъ и нѣмецкими актерами только, но и нѣмецкими богословами. Не Іоаннъ Креститель въ ней вы-

веденъ на сцену. Блѣдный и интересный брюнеть, закутанный въ старый порыжевшій плащъ, конечно, никѣмъ серьезно не можетъ быть принятъ за великаго пророка пустыни (неужели г. Виштерштейнъ, игравшій Іоанна, думаетъ, что пивавшійся акридами пророкъ пріобрѣталъ себѣ платье въ англійскихъ магазинахъ?). Нѣтъ, на театральные подмостки низведено не великое историческое лицо, не христіанскій святой, а протестантская богословская наука въ ея современномъ состояніи, и взору зрителя представляются не великія событія, имѣвшія мѣсто около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, а слабыя и сильныя стороны современнаго протестантскаго знанія.

Нужно ли повторять содержаніе трагедіи? Думаю, что Зудерманъ заимствовалъ его не изъ Евангелія, а изъ Иродіады Флора (русскій переводъ Ив. С. Тургенева). Какъ нѣмецъ, онъ прибавилъ трагико-романтическій элементъ—роковую любовь (Саломіи къ Іоанну) и, какъ протестантъ, онъ усердно наполнилъ трагедію евангельскими текстами. Въ трагедіи его есть двойственность. Съ одной стороны судьба Іоанна опредѣляется его отношеніемъ къ дому Ирода, и этимъ повидимому исчерпывается вся трагедія. Іоаннъ возмущенъ тѣмъ, что Иродъ Четвертовластникъ взялъ жену своего брата Филиппа и обличаетъ Иродіаду и Ирода. Иродъ его заключаетъ въ темницу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и онъ и его невѣстка-жена стараются склонить Іоанна на свою сторону, съ тою разницею, что Иродъ расположенъ къ Іоанну, а Иродіада ненавидитъ его. Не сумѣвъ его привлечь къ себѣ, Иродіада хочетъ его погубить. Но она не можетъ вышудить у мужа согласія на казнь Іоанна и тогда для достиженія этой цѣли выбираетъ оружіемъ свою дочь Саломію. Саломіи нравится Іоаннъ, а она нравится Ироду. На призывы любви Іоаннъ отвѣтилъ Саломіи тѣмъ, что назвалъ ее грѣхомъ, и Саломія возмущена противъ Іоанна. Мать склоняетъ ее, чтобы она своею пляскою очаровала Ирода и на предложеніе его дать ей все, что угодно, попросила бы головы Іоанна Крестителя. Это совершилось, и Іоаннъ былъ обезглавленъ. Вотъ какъ будто и вся трагедія. Но есть другая сторона въ ней. Іоаннъ—предтеча Мессіи. Онъ креститъ и проповѣдуетъ во имя того, Кто идетъ за нимъ и станетъ впереди его, и онъ крестилъ Мессію и узналъ Его по знаменію съ неба, но онъ не знаетъ ни Его, ни Его ученія. Онъ жадно прислушивается къ тому—не за-

говорять ли, не скажутъ ли что о Мессіи, онъ производитъ разслѣдованія, до него долетаютъ отголоски ученія Иисуса, но они неясны, они болѣе смущаютъ, чѣмъ наставляютъ его. Онъ задумывается надъ заявленіемъ, что выше закона любовь, онъ недоумѣваетъ надъ проповѣдью любви и приведенный въ смущеніе этой проповѣдью безсильно опускаетъ камень, который было занесъ на Ирода. Онъ знаетъ свою миссію—онъ голосъ воиющаго въ пустынѣ, онъ долженъ приготовить путь Господу, но онъ не знаетъ—въ чемъ дѣло Господа? Онъ знаетъ, что, когда выступитъ Мессія, онъ долженъ исчезнуть. И вотъ, когда его ученики приносятъ ему вѣсть отъ самого Иисуса, что Иисусъ есть тотъ, Который долженъ придти, онъ произноситъ рѣчь, что его дѣло кончено, что Иисусу должно расти, ему же малитися. И смерть, которая немедленно затѣмъ постигаетъ Іоанна, является уже не дѣломъ злого каприза раздраженной женщины, а исполненіемъ великаго закона, по которому тотъ, кто выполнилъ свою миссію въ этомъ мірѣ, долженъ его оставить. Луна не свѣтитъ при солнцѣ, и голосъ Іоанна долженъ замолкнуть при появленіи Христа.

Это содержаніе трагедіи развивается на историческомъ фонѣ начала перваго столѣтія. Передъ нами проходятъ надмѣнные и смѣлые римляне, трусливые и загнанные евреи. Мы видимъ фарисеевъ, вилотовъ, левитовъ такими, какими ихъ знаетъ библейская и историческая наука. Костюмы Саломіи и Иродіады, это—уроки археологіи. Несчастнѣйшій книжникъ, день и ночь читающій законъ, чтобы всю жизнь не понимать его; лукавые, пышно разодѣтые фарисеи съ своими искушающими рѣчами, эти—«порожденія ехидны», Иродіада—чистокровная еврейка (въ игрѣ Луизы Дюмонъ) съ характеромъ и цѣлями леди Макбетъ,—какъ много во всемъ этомъ исторической правды!

Эта историческая и археологическая правда есть сильная сторона трагедіи и вмѣстѣ сильная сторона нѣмецкой науки. Говоримъ: нѣмецкой, потому что нѣмцы больше другихъ потрудились надъ Библіей, библейской археологіей и исторіей. Этой исторической правдой, облеченной въ художественную форму, обусловленъ и успѣхъ трагедіи. Дѣйствіе, происходящее на сценѣ, переноситъ зрителей на уроки священной исторіи, и такъ какъ эти уроки по своему духу и буквѣ наиболѣе

запечатлѣны въ умахъ и сердцахъ юныхъ зрителей, то на нихъ трагедія производитъ и наиболѣе сильное впечатлѣніе. Но есть другая высшая правда, правда внутренняя, которою также побѣждается истина буквы, какъ любовью законъ, и эта правда безусловно отсутствуетъ въ трагедіи Зудермана

Въ трагедіи Зудермана «Іоаннъ» все понятно и приблизительно вѣрно—кромѣ Іоанна. Не будемъ говорить о религіозныхъ чувствахъ и убѣжденіяхъ, не станемъ спорить о подлинности евангельскаго текста и точности евангельской исторіи, станемъ вмѣсто православной на протестантскую точку зрѣнія, на точку зрѣнія абсолютной свободы изслѣдованія и пониманія, только отвергнемъ право незнанія и непониманія, и тогда мы увидимъ, что протестантская наука, давшая такъ много буквѣ трагедіи, отняла у нея ея смыслъ.

Со времени Канта пѣмцы привыкли думать, что религія есть нравственность, они чувствовали и узкость и прямую невѣрность этого положенія и потому варьировали его, они ставили вмѣсто «нравственность» — «настроенность», но опять таки преимущественно нравственную, замѣняли «нравственность» чувствомъ истины, но опять таки нравственной; они пытались отступать отъ опредѣленія и пониманія Канта, но неизмѣнно возвращались къ нему и остаются при немъ доселѣ. И эта вѣрность Канту отнимаетъ у нихъ чувство и исторической и психологической правды. Іисусъ, по Зудерману, есть возвѣститель высшаго нравственнаго закона — милосердія и любви; Іоаннъ — пророкъ, предварающій Іисуса. Іоаннъ — религіозный дѣятель. Въ чемъ же заключается его религіозная дѣятельность? Зудерманъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ и не можетъ дать его, какъ его не можетъ дать и протестантское богословіе, нерѣдко склоняющееся къ мысли, что можетъ быть Іоанна и совсѣмъ не было. Къ чему призывалъ Іоаннъ? Къ болѣе ли строгому исполненію закона или онъ постепенно подготовлялъ почву для смягченія и отмѣны суровой буквы закона? Суровыя рѣчи Іоанна повидимому направляютъ мысль на кары и наказанія, а не на любовь. Но тогда это будетъ плохимъ подготовленіемъ почвы для пріятія ученія о любви. У Зудермана такъ и выходитъ. Ученики Іоанна идутъ къ Іисусу не по указаніямъ Іоанна, но вопреки предположеніямъ послѣдняго. Не Іоаннъ приготовляетъ учениковъ къ пріятію истины, а ученики его (см. Johannes,

IV Akt, 7 und 8 Sc.). Странный предтеча, странно его влияние, странна его дѣятельность такъ же, какъ и его костюмъ.

Выводъ изъ трагедіи тотъ, что Іоаннъ былъ не нуженъ для дѣла Христа. Къ этому выводу давно пришло протестантское богословіе. Рѣчи Іоанна — не путь къ христіанству, а поворотъ отъ него къ громамъ Синаи и казнямъ Египта. Но это — не такъ, потому что религія не то, чѣмъ считаютъ ее протестанты. Религія — не нравственность только, религія есть жизнь, религія есть все. Іисусъ Христосъ — не только нравственный реформаторъ. Ученіе любви, во всей полнотѣ раскрытое Имъ, не было совершенно новымъ и не впервые для слуха Израиля зазвучало въ тридцатыхъ годахъ нашей эры въ долинахъ Галилеи. Къ принятію этого ученія приготовляла вся израильская исторія. Нѣмецкіе ученые должны бы были это знать лучше другихъ. Великое нравственное правило: «какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними, ибо въ этомъ законъ и пророки» (Мѡ. VII, 12) было извѣстно и ветхому завѣту (см. Товита IV, 15; тоже можно найти въ изреченіяхъ Гиллея). Чувства жалости и любви были въ сердцахъ человѣческихъ и до дней Іоанна, и если бы все дѣло Христова исчерпывалось лишь проповѣдью любви, то его могъ бы исполнить всякій — способный понять эту проповѣдь: и Ездра, и Гиллель, и Гамалиилъ. Но это — не такъ.

Мы думаемъ, что не на сценѣ берлинскаго «нѣмецкаго театра» пужно искать пониманія значенія Крестителя, и если уже за истолкованіемъ этого значенія необходимо обращаться къ искусству, то лучше перенестись въ залы московскаго румянцеваго музея. Тамъ помѣщается «Явленіе мессіи» Иванова. Говорять, что и Ивановъ писалъ свою картину по указаніямъ нѣмецкой науки и подъ панфывомъ религіозныхъ сомнѣній и колебаній. Онъ даже совѣтовался съ Штраусомъ. Но такъ какъ Штраусъ говорилъ по-нѣмецки, а Ивановъ — по-итальянски, и такъ какъ одинъ изъ нихъ не зналъ нѣмецкаго, а другой итальянскаго языка, то изъ ихъ разговора къ счастью для истины и искусства не вышло никакихъ результатовъ. Штраусъ отрицалъ и существованіе Предтечи и догматическое значеніе личности Христа. Картина Иванова утверждаетъ эти двѣ истины. На приближающаго Іисуса

Іоаннъ указываетъ съ словами: «вотъ Агнецъ Божій, Который беретъ *на себя* грѣхъ міра» (Іоан. I, 20). Здѣсь нѣтъ рѣчи о новомъ ученіи Іисуса, здѣсь говорится о Его дѣлѣ. Въ Іисусѣ прежде всего указывается не учитель, а жертва—жертва сама себя предающая на закланіе въ силу своей безпредѣльной любви къ человѣчеству. Въ картинѣ Иванова Іоаннъ является вождемъ, ведущимъ всѣхъ къ Іисусу. И всѣ по мановенію его руки устремляютъ свои взоры на приближающагося кроткаго пророка изъ Галилеи. Іоаннъ прежде всего приготовляетъ людей не къ припятію новаго ученія, а къ тому, чтобы они были готовы воспользоваться плодами великой жертвы, которая имѣетъ быть въ скоромъ принесена за нихъ. Эта жертва—догматическая тайна религіи. Сынь Божій закалается за грѣхи людей, и чрезъ Его смерть Божество примиряется съ человѣчествомъ. Наступаетъ новый періодъ, создается царствіе Божіе, людямъ будутъ подаваемы новыя благодатныя силы. Нужно приготовиться къ тому, чтобы стать способнымъ и достойнымъ полученія этихъ силъ. Отсюда проповѣдь Іоанна о покаяніи. Зудерманъ можетъ не вѣрить въ догматъ искупленія, онъ можетъ отрицать, что проповѣдь Предтечи когда либо оглашала берега Іордана, но онъ и тѣмъ болѣе тѣ, которые были его руководителями при написаніи трагедіи, должны были знать и идею Евангелія и чаянія іудеевъ. Іудеи ждали въ Мессіи царя, т. е. дѣятеля, а не учителя. Ихъ писанія говорили имъ о страданіяхъ и славѣ Мессіи, т. е. опять-таки о его дѣлахъ, говорили о его жизни и меньше всего о его ученіи. Идея Евангелія вовсе не такъ проста, чтобы ее можно было выразить формулами: будемъ любить другъ друга, будемъ помогать другъ другу и мы будемъ сыты, довольны и счастливы. Нѣтъ и не можетъ быть религіи, которая исчерпывалась бы такою жалкою философіей („мы—вамъ, а вы—намъ“). Нѣтъ: Евангеліе говоритъ о наступленіи царства Божія. Это не значить, что на землѣ наступятъ новыя порядки, и всѣ будутъ жить въ довольствѣ и счастіи. Нѣтъ, Христосъ говорилъ, что не миръ, а мечъ принесъ Опъ на землю. „Огонь принесъ Я на землю и какъ бы желалъ, чтобы онъ скорѣе возгорѣлся“. Ученикамъ говорить Опъ, что ихъ будутъ гнать, преслѣдовать и убивать. Его рѣчи къ фарисеямъ исполнены гнѣва, какъ и слова Іоанна. Его пророчества о ближайшемъ будущемъ это—описанія грядущихъ

опустошеній, войнъ, разрушенія и смерти. И мы знаемъ, что исторія первыхъ трехъ вѣковъ христіанства есть исторія мученій. Въ чемъ же царствіе Божіе? Царствіе Божіе внутри насъ есть. Оно въ соединеніи съ Богомъ черезъ Христа. Въ этомъ соединеніи все—и нравственная чистота и любовь и полнота благодати и истины. Ограниченный человѣкъ стремится къ соединенію съ безграничнымъ, онъ не хочетъ границъ ни для своего знанія, ни для своей любви, и въ ея безсильныхъ попыткахъ сбросить съ себя цѣпи конечности заключается трагедія человѣческой исторіи. Но вотъ, Сынъ Божій поднимаетъ до Божества человѣчество, возвышаетъ людей до способности стать членами царствія Божія. Въ благоустроенномъ царствѣ царь—одно съ подданными, и въ царствіи Божіемъ Божество соединяется съ человѣчествомъ. Конечно, соприкасается съ безконечнымъ.

Іоаннъ Евангелія стоитъ въ преддверіи этой тайны, и картина Иванова является великимъ художественнымъ толкованіемъ евангельскаго повѣствованія о Предтечѣ. Но трагедія Зудермана не истолковываетъ Іоанна, она его отрицаетъ. Зудерманъ, руководимый учеными (мы говоримъ о руководящемъ большинствѣ протестантскихъ ученыхъ), не вѣритъ въ догматическую сторону христіанства. Тотъ, кто не имѣетъ самъ, обыкновенно не склоненъ вѣрить, чтобы ее имѣли другіе. Не имѣющее религіи протестантское богословіе пытается отрицать значеніе религіи, какъ великаго фактора въ исторіи человѣчества. Оно хочетъ знать только внѣшнюю сторону религіозной исторіи; оно хорошо знаетъ, какъ приносили жертвы евреи, но оно не хочетъ вѣрить, чтобы эти жертвы имѣли дѣйствительное значеніе. Оно признаетъ еврейскихъ пророковъ, но оно хочетъ видѣть въ нихъ не посланниковъ неба, а только энтузіастовъ и мечтателей, которые часто, какъ Іоаннъ, сами не знали, куда и къ чему они призываютъ другихъ. Отсюда великія міровыя событія низводятся въ ихъ представленіи до размѣровъ самой обыкновенной мѣщанско-житейской драмы. Ничтожный властитель ничтожнаго уголка земли совершилъ преступленіе, среди робкаго шепота негодованія раздался одинъ смѣлый порицающій голосъ. Властитель заставилъ этотъ голосъ замолчать. Сколько разъ и во сколькихъ мѣстахъ случалось это! Такой драмѣ самое мѣсто на маленькой сценѣ маленькаго пѣмецкаго театра. Но что въ ней общаго со смѣной ветхаго завѣта новымъ?

Гдѣ въ ней величайшій изъ пророковъ рожденныхъ женами? Православное чувство и православный смыслъ не низводятъ своихъ святыхъ на подмостки сцены, потому что это -- кощунство и преступленіе. Святыхъ требуетъ къ себѣ благоговѣйнаго отношенія. Но тамъ, гдѣ нѣтъ святыхъ, нѣтъ благоговѣнія, нѣтъ и кощунства.

Всего этого и нѣтъ въ современной протестантской богословской наукѣ.

С. Глаголевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки